

ЕВРАЗИЙСКАЯ ПАРАДИГМА РОССИИ И НЕКОТОРЫЕ ПРОБЛЕМЫ ИНТЕГРАЦИИ НА ПРОСТРАНСТВЕ СОДРУЖЕСТВА НЕЗАВИСИМЫХ ГОСУДАРСТВ (СНГ)

© 2015 г. Юрий Ильич Скуратов¹

Если Россия и будет спасена, то только как евразийская держава и только через евразийство.

Л.Н. Гумилев

Аннотация: в статье рассматриваются философско-исторические предпосылки и современная практика исторических процессов с участием Российской Федерации на пространстве СНГ. Автор исследует правовую природу Евразийского экономического союза как одну из форм реализации названных интеграционных процессов, обращается к перспективам его развития. Обосновывается тезис необходимости позиционирования евразийства в качестве доктрины и принципа внешней и внутренней политики современной России.

Annotation: the article deals with the philosophical-historical background and current practices of historical processes with the participation of the Russian Federation on the territory of the Commonwealth of Independent States (CIS). The author explores the legal nature of the Eurasian economic union as a form of realization of these integration processes, drawn to the prospects of development of follicle-stimulating. The thesis is based on the need to establish the positioning as a doctrine and principle of external and internal policy of modern Russia.

Ключевые слова: евразийство, неоевразийство, Евразийский экономический союз, Договор о Евразийском экономическом союзе, государственно-правовые признаки Евразийского экономического союза, компетенция Евразийского экономического союза, органы Евразийского экономического союза.

Key words: Eurasianism, neo-eurasianism, Eurasian Economic Union Treaty of Eurasian Economic Union, State-legal characteristics of the Eurasian Economic Union, the competence of the Eurasian Economic Union, bodies of the Eurasian Economic Union.

Современные интеграционные процессы, происходящие на пространстве СНГ, на наш взгляд, имеют довольно прочное философско-историческое обоснование в лице евразийского учения, включающего классическую евразийскую школу и так называемое неоевразийство. Все это обуславливает необходимость хотя бы краткой характеристики евразийской теории.

Евразийство, как писали сами основатели этого течения, есть российское политическое, идеологическое и духовное движение, утверждающее особенности культуры российско-евразийского мира². Евразийское интеллектуальное течение возникло в 20–30-х годах XX в. Его основы заложили труды лингвиста, культуролога и философа Н.С. Трубецкого, геополитика П. Н. Савицкого, философа Л. П. Карсавина, историков Г.В. Вер-

надского, М. Шахматова, Г. В. Флоровского, искусствоведа и философа П.П. Сувчинского, правоведа Н.Н. Алексеева и др. Основной акцент основатели евразийства делали на исследование тесной исторической взаимосвязи российской культуры с рядом других, прежде всего восточных, культур. Евразийство во многом было лишено как славянофильской идеализации российской истории, так и безоглядного европоцентризма, учитывало весь опыт политического и правового развития страны, включая реформы предыдущего столетия, начало которым положила Великая Октябрьская социалистическая революция 1917 г. В более чем полувековой истории развития идей евразийства можно условно выделить три этапа: 1-й этап – разработка основных положений концепции (1920–1930 гг.); 2-й этап – период угасания идей (1930–1980 гг.); 3-й этап – возрождение и актуализация идеи (с 1990 г. по настоящее время)³.

¹ Заведующий кафедрой конституционного и международного права Российского государственного социального университета, доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист РФ (E-mail: Skuratov_yi@mail.ru).

² См.: Евразийство: декларация, формулировка, тезисы. Прага, 1932. С. 27.

³ См.: Овчинникова С.Н. Российская правовая государственность; евразийский проект. Дисс. ... канд. юрид. наук. Ростов-н/Д., 2000, С. 109.

Возрождение идеи евразийства было связано с появлением современных исследований российских ученых (А.Г. Дугин, А.С. Панарин, С.И. Данилов, А.В. Логинов, В.Н. Синюков и др.)⁴, созданием нового общероссийского общественного движения “Евразия”, а также с рядом “евразийских” по духу выступлений Президента РФ В.В. Путина и Председателя Правительства РФ Д.А. Медведева. Несомненен вклад в развитие политической теории и практики евразийства Президента Республики Казахстан Н. Назарбаева⁵.

Если попытаться дать краткую характеристику евразийству как идейному течению, как вектору социально-политической мысли, то можно употребить такой термин из обыденного языка, как “золотая середина”. В социальной философии это – гармония между человеком и обществом; в правовой – между правом и нравственностью; в политической – демократизма (власти народа) и идеократизма (власти идей); в нравственной – единство личной свободы, самоопределения и служения обществу; в геополитической – открытость и Западу, и Востоку, стремление гармонично соединить цивилизационные достижения с ценностями своей культурной, хозяйственной и политической самобытности⁶.

Важная роль в доктрине евразийства принадлежит государственно-правовой составляющей. Евразийцам, в отличие от многих их современников, удалось создать свою собственную методологию исследования права и заложить основы собственной философско-правовой школы. Евразийская правовая модель адекватно отражает самобытность российской государственности, предлагает такое государственно-правовое устройство, которое лишено недостатков радикальных либерально-демократических и консервативно-монархических проектов. Она основана на реальном учете особенностей российской политической истории, его влияния на становление политико-правового менталитета россиян,

не отвергающего идею правового государства, понимаемого как государство справедливости, государство правды, что входит в содержание самобытности российской государственности и может быть задействовано как интеграционная идея, имеющая межэтнический характер⁷.

В этой связи возникает вопрос: в чем же причина живучести, жизнеспособности евразийского учения, его актуальности в настоящее время? Этому феномену есть, на наш взгляд, несколько объяснений.

Во-первых, классическое евразийство, сложившееся, сформировавшееся в 20–30-х годах XX столетия, не осталось в прошлом, а было устремлено в будущее, направлено на поиск путей обустройства нашей страны в сравнительно отдаленной перспективе. Это позволило на долгие годы привлечь внимание к евразийству ученых и политиков, находить в нем правильные ответы на многочисленные вызовы исторического развития России.

Во-вторых, евразийское учение не только явилось геополитической концепцией, но и носило комплексный многоплановый характер, включало тщательно проработанную философскую, экономическую, национально-территориальную, политико-управленческую (государственно-правовую) составляющие, которые были органично взаимосвязаны и давали целостную картину окружающего мира. При этом речь не шла о механическом сложении соответствующих междисциплинарных составляющих. Как правильно подчеркивает проф. А.В. Логинов, евразийцы сумели “сделать фундаментальный методологический вывод: сущность российской (евразийской) цивилизации заключается не в религии, культуре, государственности, хозяйственном укладе и географическом положении, а в системных связях всех указанных факторов, предопределивших менталитет и исторические судьбы народов евразийского пространства”⁸. В силу своего комплексного характера евразийское учение опиралось в своих выводах на мощную разветвленную “корневую систему” научных знаний о самых различных сторонах российской действительности, что не только делало основные положения этого учения убедительными, аргументированными, но и снижало возможности для их теоретического развенчания со стороны идеологических противников.

⁴ См., например: Дугин А.Г. Основы геополитики. Геополитическое будущее России. Мыслить пространством. М., 1999; Панарин А.С. Россия в Евразии: геополитические вызовы и цивилизационные ответы // Вопросы философии. 1994. № 12; Евразийство: прошлое и будущее // Россия на пороге XXI века. М., 1996; Синюков В.Н. Российская правовая система. М., 2010; Логинов А.В. Россия и Евразия. Евразийский вектор: поиски российской цивилизационной идентичности в XX столетии. М., 2013; Титаренко М.Л. Россия и ее азиатские партнеры в глобализирующемся мире. Стратегическое сотрудничество: проблемы и перспективы. М., 2012; и др.

⁵ См.: Дугин А.Г. Евразийская миссия Нурсултана Назарбаева. 2004.

⁶ См.: Овчинникова С.Н. Указ. соч. С. 109, 110.

⁷ См.: Ахматов А.В. Философия права евразийцев. Историко-философский анализ. Дисс. ... канд. филос. наук. М., 2009.

⁸ Логинов А.В. Россия и Евразия. Евразийский вектор: поиск российской цивилизационной идентичности в XX столетии. М., 2013. С. 35.

В-третьих, научный и практический (политический) интерес к евразийскому учению был обусловлен и тем, что оно олицетворяло собой так называемый “третий путь” общественного развития. Все это вызвало и вызывает повышенный общественный интерес, поскольку связано с попыткой дать ответ на извечный русский (и не только) вопрос: что делать?

В-четвертых, в силу масштабности, основательности и глубины проработки евразийская концепция вполне может претендовать на роль национальной идеи для нашей страны, столь важной для формирования нового геополитического курса и новой государственной стратегии. В ряде работ эту стратегию называют “Русским миром”, имея в виду объединение вокруг России всех этнических русских, а также русскоговорящих из ближнего и дальнего зарубежья. При всей привлекательности такого подхода нельзя не учитывать, что проект развития евразийской природы и парадигмы России более масштабен, поскольку опирается на духовную культуру не только русского народа, но и других народов России, пространства СНГ, а также Северной Евразии в целом. Этот проект более органичен для России и с точки зрения его наднациональной, общецивилизационной природы. Естественно, что русской культуре и русскому языку в евразийском проекте принадлежит ключевая роль. Выдвижение евразийства в качестве национальной идеи для нашей страны будет означать признание роли России в качестве консолидирующей силы Северной Евразии, самобытной цивилизации, не только интегрирующей ценности Запада и Востока, но и играющей роль своеобразного моста между этими культурными центрами. Речь идет о позиционировании России как супергосударства, выступающего в качестве важнейшего центра мирового влияния, ставшего образцом национального мира и межнационального согласия. При этом евразийство не предлагает отказа от европейских ценностей, но выступает против их гипертрофирования.

В-пятых, гарантия жизнеспособности любой идеи – связь с практикой, адекватное, правильное отражение ею реальных общественных процессов. Основа евразийского учения – это описание реально существующего, доказывающего свою жизнеспособность российского цивилизационного типа, российской цивилизации.

Евразийское учение по своей сути и есть описание становления этапов развития, современного состояния (если включать в это учение новое евразийство), а также перспектив, исторических судеб российского суперэтноса как самостоятельно-

го цивилизационного феномена на пространстве Северной Евразии. Возрождение евразийства, интереса к нему, появление нового этапа в развитии классического евразийства (нового евразийства), формирование соответствующего общественного движения, евразийские проекты Президента РФ В.В. Путина и Президента Республики Казахстан Н. Назарбаева свидетельствуют о живой связи науки и практики, жизнеспособности евразийства как научной теории, ее востребованности российским обществом. Теоретическое прикладное наполнение евразийского проекта Российской Федерации составляет важнейшую задачу современной юридической науки и государственно-правовой практики.

Евразийское учение как целостная социально-политическая и правовая доктрина имеет, на наш взгляд, колоссальное значение для перспектив развития нашей страны на современном этапе. При этом может быть выделен не только внутри государственный аспект применимости, применимости евразийской идеи, связанный прежде всего с судьбой российского федерализма. Очевидная геополитическая составляющая евразийства, нынешнее “месторазвитие” нашей страны, ее историческое прошлое, сохранившиеся особые связи российского народа с ближним и дальним зарубежьем логически определяют позиционирование евразийской доктрины в качестве одного из принципов внешней политики современной России.

Одним из направлений реализации этого принципа для современной России является поиск оптимальных государственно-правовых и международно-правовых форм интеграционной политики России на пространстве СНГ. Интересно отметить, что сама по себе проблема государственно-правовой интеграции на евразийском пространстве имеет глубокие исторические корни. Есть все основания согласиться с концепцией Л.Н. Гумилева об этапах становления суперэтнического единства Северной Евразии, включающих: первую евразийскую империю – государство хуннов; вторую – тюрков; третью – монголов; четвертую – Древнюю Русь и Российскую Империю⁹. Очевидно, что в качестве пятого этапа может рассматриваться СССР.

Есть все основания говорить, что в настоящее время начался шестой этап международно-правовых и государственно-правовых форм сотрудничества в Северной Евразии на пространстве СНГ.

⁹ См. Лавров С.Б. Лев Гумилев: судьба и идеи. М., 2008. С. 37–456; Логинов А.В. Указ. соч. С. 363–525.

Одной из таких форм интеграции является Евразийский экономический союз (ЕАЭС).

Как известно, Россия является полноправным членом таких организаций, как Союзное государство Россия и Беларусь, Содружество Независимых Государств (СНГ), Евразийское экономическое сообщество (ЕврАзЭС), Шанхайская организация сотрудничества (ШОС), Азиатско-Тихоокеанское экономическое сотрудничество (АТЭС). Кроме того, Россия активно участвует в работе регионального форума АСЕАН по безопасности и азиатско-тихоокеанскому экономическому сотрудничеству. Возникает вопрос: зачем же еще понадобился Евразийский экономический союз на фоне существования перечисленных выше организаций? На наш взгляд, здесь можно вести речь о двух основных причинах. Первая – перечисленные выше организации либо имеют ограниченный по субъектному составу характер, либо выходят за рамки пространства СНГ. Союзное государство Россия–Беларусь ограничено по своему субъектному составу. Содружество Независимых Государств по своему институционально-правовому существу ориентировано на международно-правовое упорядочение взаимодействия государств на пространстве СССР. Организация Договора о коллективной безопасности является структурой для военного сотрудничества. ШОС, АТЭС и АСЕАН охватывают территорию, которая гораздо шире Северной Евразии. Вторая основная причина создания Евразийского экономического союза – необходимость обеспечения ускоренного и тесного экономического сотрудничества государств на пространстве СССР, руководство которых видит в этом сотрудничестве важнейший фактор ускоренного развития своих стран. Экономическое сотрудничество рассматривается ими как национальная потребность, стержень и основа взаимодействия государств и народов на пространстве СССР.

В результате действия названных, а также иных факторов 29 мая в Астане Президент РФ В.В. Путин, а также Президент Республики Казахстан Н. Назарбаев и Президент Республики Беларусь А.Г. Лукашенко подписали исторический договор о создании Евразийского экономического союза – новом этапе интеграции трех государств. ЕАЭС создается на базе ранее существовавшего Евразийского экономического сообщества (ЕврАзЭС), в состав которого входили Россия, Белоруссия, Казахстан, Киргизия и Таджикистан. Подписанные документы на заседании Высшего евразийского экономического совета означают появление крупнейшего в мире после

Евросоюза экономического объединения, которое раскинется на огромном пространстве с населением почти 170 млн человек. В ключевых отраслях экономики Россия, Белоруссия и Казахстан будут вести согласованную политику – это касается энергетики, промышленности, транспортной сферы и сельского хозяйства. Ожидается, что все это увеличит доходы трех стран минимум на 15%. Договор вступил в силу 1 января 2015 г. 2 января 2015 г. Армения стала полноправным членом ЕАЭС. Затем Евразийский экономический союз может быть расширен. К нему готова присоединиться Киргизия. Штаб-квартира Евразийской комиссии будет располагаться в Москве, Суд – в Минске, а финансовый регулятор – в Алма-Ате.

Несомненный научный и практический интерес, на наш взгляд, имеет характеристика основных правовых признаков, юридических конструкций, на которых основан новый Союз. Остановимся на анализе трех важнейших из них – компетенции ЕАЭС, его правовой системе, а также органов Суда.

Облик и жизнеспособность Евразийского экономического союза во многом будут определяться объемом его полномочий, которым наделили его государства-учредители. К характеристике компетенции Союза имеют отношение многие статьи договора о ЕАЭС, ключевое же значение для понимания характера и объема его полномочий принадлежит ст. 1, 2 и 5 анализируемого документа. В ст. 1 Договора (“Учреждение евразийского экономического союза. Правосубъектность”) содержится дефиниция ЕАЭС, указывается, что в его рамках “обеспечивается свобода движения товаров, услуг, капитала и рабочей силы, проведение скоординированной, согласованной или единой политики в отраслях экономики, определенных настоящим Договором и международными договорами в рамках Союза”¹⁰. Таким образом, определены ключевые предметы ведения Союза, составляющие ядро его компетенции: свобода движения товаров, услуг, капитала и рабочей силы, с одной стороны, и проведения скоординированной, согласованной и единой политики в определенных правом Союза отраслях экономики – с другой.

В этой связи важное значение для характеристики компетенции приобретает ст. 2 Договора, содержащая ключевые определения, используемые в Договоре. Так, под единой политикой понимается “политика, осуществляемая государствами-членами в определенных ими сферах,

¹⁰ Цит. по: Договор о Евразийском экономическом союзе // <http://eurasiancommission.org/ru/Lists/EECDocs/635375701449140007.pdf>

предусмотренных настоящим Договором, предполагающая применение государствами-членами унифицированного правового регулирования, в том числе на основе решений органов Союза в рамках их полномочий”. Скоординированная политика понимается как политика, “предполагающая осуществление сотрудничества государств-членов на основе общих подходов, одобренных в рамках органов Союза, необходимых для достижения целей Союза...”. Наконец, согласованная политика – “политика, осуществляемая государствами-членами в различных сферах, предполагающая гармонизацию правового регулирования, в том числе на основе решений органов Союза, в такой степени, которая необходима для достижения целей Союза...”.

Основную же нагрузку в закреплении компетенции ЕАЭС призвана нести ст. 5 Договора, которая и озаглавлена “Компетенция”. Часть I этой статьи устанавливает, что “Союз наделяется компетенцией в пределах и объемах, установленных настоящим Договором и международными договорами в рамках Союза”. “Государства-члены осуществляют скоординированную и согласованную политику в пределах и объемах, установленных настоящим Договором и международными договорами в рамках Союза” (ч. II ст. 5). Наконец, ч. III этой статьи устанавливает, что “в иных сферах экономики государства-члены стремятся к осуществлению скоординированной или согласованной политики в соответствии с основными целями и принципами Союза”.

Как уже было отмечено ранее, конкретно-содержательная характеристика полномочий Союза содержится в положениях Договора, посвященных сотрудничеству государств-участников в сферах таможенного союза и таможенного регулирования, внешнеторговой политики, технического регулирования, применения санитарных, ветеринарно-санитарных, и карантинно-фитосанитарных мер, защиты прав потребителей, макроэкономической политики, валютной политики, торговли услугами и осуществления инвестиций, регулирования финансовых рынков, налогов и налогообложения, обеспечения конкуренции, естественных монополий, энергетики, транспорта, государственных (муниципальных) закупок, интеллектуальной собственности, промышленности, агропромышленного комплекса, трудовой миграции. Известное представление о полномочиях Союза дают и полномочия его органов, закрепленные в ст. 12 Договора (полномочия Высшего совета), ст. 16 (полномочия Межправительственного совета), приложении к Договору № 1 (пол-

номочия Комиссии), приложении к Договору № 2 (полномочия Суда Союза).

При концептуальном рассмотрении конструкция компетенций Совета выглядит логичной. Проект Договора устанавливал конструкцию компетенции Союза, предусматривающую ее подразделение на три вида: исключительная компетенция, совместная компетенция, координирующая компетенция¹¹.

Исключительная компетенция Союза согласно проекту Договора охватывала пять предметов ведения: вопросы таможенного союза государств-членов; таможенное администрирование; торговая политика в отношении третьих государств (установление торговых режимов); политика в области конкуренции; техническое регулирование и санитарные, ветеринарные и фитосанитарные нормы. В сфере исключительной компетенции Союз мог принимать правовые акты в соответствии с положениями, предоставленными ему общим Договором и международными договорами в рамках Евразийского экономического союза. Государства-члены последнего в сфере исключительной компетенции Союза могли принимать нормативные акты лишь в целях обеспечения исполнения правовых актов Союза.

Согласно проекту Договора Союз обладал совместной с государствами-членами компетенцией в сферах, определенных ч. III проекта Договора о Евразийском экономическом союзе (в ней речь шла о свободном движении капиталов, услуг и рабочей силы в рамках единого экономического пространства). В указанных сферах Союзом и субъектами должны были приниматься правовые акты в рамках предоставленных полномочий в соответствии с общим договором или международным договором в рамках Союза.

Наконец, проектом Договора предусматривался третий вид компетенции Союза – координационной, реализуемой в сферах, предусмотренных ч. IV общего проекта Договора о Евразийском экономическом союзе. Она была направлена на обеспечение взаимодействия государств-членов в вопросах, выходящих за пределы экономики и охватывающих социальную сферу, культурное сотрудничество, сотрудничество в правовой сфере и в вопросах охраны государственной границы.

Используемая в проекте Договора конструкция компетенции подтверждена в нормативно-правовом плане. Добросовестное, в соответствии

¹¹ Цит. по: Договор о Евразийском экономическом союзе (проект) // http://www.kazenergy.com/images/stories/pravovaia_baza/proekt_dogovora_o_ees.doc

с объектом и целью Договора толкование юридического акта призвано содействовать всестороннему его соблюдению.

Выведение на концептуальном и практическом уровнях в качестве целостного института понятия “скоординированная и согласованная политика”, как это обозначено в ст. 1 и 5 Договора, обеспечит последовательное исполнение всего положенного в нем позитива права. Так, если в ст. 1 Договора сказано, что ЕАЭС создается “для проведения скоординированной, согласованной или единой политики в отраслях экономики”, то ст. 5 “Компетенция” говорит о “скоординированной и согласованной политике”. Часть 3 ст. 5 Договора свидетельствует о том, что государства-члены стремятся к осуществлению скоординированной и согласованной политики.

Совершенно обоснованно связывая разновидности государственной политики, осуществляемой Союзом, с типами правового регулирования (единая политика – унифицированное правовое регулирование, согласованная политика – гармонизация правового регулирования), Договор подтверждает значимость правового регулирования всего спектра предметных проявлений скоординированной политики.

Важной правовой характеристикой нового образования – Евразийского Союза является наличие собственной системы нормативно-правового регулирования. Статья 6 Договора устанавливает структуру права Союза, которая включает: Договор о ЕАЭС, международные договоры внутри Союза; международные договоры Союза с третьей стороной; решения и распоряжения Высшего евразийского экономического совета, Евразийского межправительственного совета и Евразийской экономической комиссии, принятые в рамках их полномочий, предусмотренных Договором о ЕАЭС и международными договорами в рамках Союза. Элементом этой структуры является установленная Договором иерархия нормативных актов Союза. Согласно ее требованиям международные договоры Союза с третьей стороной не должны противоречить основным целям, принципам и правилам функционирования Союза. В случае возникновения противоречий между международными договорами в рамках Союза и Договором о ЕАЭС приоритет имеет Договор. Решения и распоряжения органов Союза не должны противоречить Договору о ЕАЭС и международным договорам в рамках Союза. Таким образом установлена повышенная юридическая сила Договора о ЕАЭС. Во всей системе нормативных

актов Союза он выполняет роль своеобразной конституции.

Договором установлена внутренняя иерархия актов органов Союза. Приоритетное значение имеют решения Высшего евразийского экономического совета, затем идут решения Евразийского межправительственного совета, которые, в свою очередь, имеют приоритет над решениями Евразийской экономической комиссии (ч. 4 ст. 6 Договора).

Четкое и детальное закрепление компетенции органов Союза, а также наличие и развернутые полномочия Суда Евразийского экономического союза, призванного обеспечить единообразное применение государствами-членами и органами Союза международных договоров в рамках Союза, международных договоров с третьей стороной и решений органов Союза, создают надлежащую юридическую основу правовой системы Союза и правоприменительной практики. Постановочно формулировка ч. 1 ст. 6 подписанного Договора о том, что “решения Высшего евразийского совета и Евразийского межправительственного совета подлежат исполнению государствами-членами в порядке, предусмотренном их национальным законодательством”, не исключает введения в государствах ЕАЭС режима прямого действия названных выше актов. Однако в любом случае речь не идет о всем праве Союза.

Практический интерес несет в себе формулирование концепции института специального мониторинга исполнения правовых актов (ст. 12 Проекта). В случае если в результате проводимого Евразийской экономической комиссией мониторинга возникают основания полагать, что одно из государств-членов не исполняет положения правовых актов Союза, Евразийская комиссия в соответствии с решением, принятым двумя третями голосов ее членов, могла направлять государству-члену предписание о необходимости обязательного исполнения соответствующих норм и устанавливать разумный срок, в течение которого данное государство-член было обязано устранить такое нарушение. Государство-член в пределах установленного в уведомлении срока должно было направлять в Комиссию отчет о принятых мерах по устранению выявленных нарушений и результатах таких мер. В случае если государство-член не исполняет в установленные сроки предписание, указанное в акте Комиссии, последняя могла обратиться в Суд Союза с соответствующим заявлением. Одновременно Комиссия должна уведомлять Высший совет о направлении соответствующего заявления в Суд Союза.

Важным правовым признаком Союза является наличие собственных органов, которые определяют его институциональную структуру, обеспечивают его функционирование. Согласно положениям Договора основными органами Союза являются: Высший евразийский экономический совет; Евразийский межправительственный совет; Евразийская экономическая комиссия; Суд Евразийского экономического союза.

Органы Союза действуют в пределах полномочий, которые предоставлены им в соответствии с общим Договором, иными международными договорами в рамках Союза.

Органы Союза действуют на основе принципов гласности и транспарентности. Рабочим языком органов Союза является русский язык. Условия пребывания органов Союза (их представительств) определяются соответствующим Договором между органом Союза и государством пребывания.

Анализ положений Договора, посвященных органам Союза, позволяет сделать вывод о том, что в целом для реализации компетенции Евразийского экономического союза предусмотрена целостная по существу система органов. Международно-правовая значимость деятельности Союза в современном миропорядке обозначена юридической упорядоченностью института исполнительной власти, представленной Высшим евразийским экономическим советом, Евразий-

ским межправительственным советом и Евразийской экономической комиссией.

Анализ выделенных выше правовых признаков, характеризующих природу Евразийского экономического союза, а также изучение иных его характеристик дает возможность сделать определенные выводы.

Во-первых, согласно принятому Договору Союз является экономическим образованием.

Во-вторых, Договор о Евразийском экономическом союзе построен на международно-правовых принципах. Союз осуществляет свою деятельность и участвует в международных отношениях на правах международной организации.

Международно-правовое позиционирование Российской Федерации как Великой державы, постоянного члена Совета Безопасности ООН, заявившего о своей приверженности верховенству права (Декларация тысячелетия 2000 г., Итоговый документ Всемирного саммита 2005 г.), подтвердило значимость подписания Договора о ЕАЭС. Создание новой международной организации с участием Российского государства с учетом его статусного положения в современном миропорядке подтвердило заключение о том, что новое объединение опирается на мощное стремление народов на пространстве СССР обеспечить единое экономическое и культурное развитие, извлечь максимальную выгоду из его преимуществ и сообща достичь нового качества жизни граждан стран Союза.